

Иван Великий — эпизод 2 из 3

К спеху под корень надо немца кончать, гной из него вон!

Солдаты умолкли и задумались, стоя в земле лицом к противнику, освещенные робким светом весеннего смутного неба. Лошадь умирала долго перед ними. Ее терпеливое рабочее сердце в одиночестве билось сейчас против смерти. И, поглядывая изредка в бинокль, старший лейтенант Юхов долго наблюдал, что лошадь еще живет и не умирает; иногда она приподнимала голову и затем вновь поникала ею, иногда дрожь страдания проходила по ее телу, и она шевелила обессилевшими ногами, пытаясь подняться и снова пойти по земле.

Сон долгой и вечной смерти медленно остужал все ее существо, но теплая сила жизни, сжимаясь, еще длилась в ней и стремилась в ответ гибели. Один раз лошадь вовсе приподнялась в половину своего роста, но затем неохотно опустилась вновь. Она не хотела умирать, она хотела еще ходить по земле, чтобы пахать землю и тянуть военные повозки, утопая почти по грудь в тяжелой, сырой земле. Она, должно быть, на все была согласна; она согласна была повторить всю свою трудную прожитую участь, лишь бы опять жить на свете. Она не понимала смерти.

Красноармейцы глядели на эту мученицу работы и войны и понимали ее судьбу.

Не понимает, оттого и мучается, сказал Свиридов. И пахарем была, и на войне служила, а все ж не человек и не солдат.

Она душой не мучается, она только телом томится, сказал Иван Владыко.

Мучается, подтвердил Свиридов, потому что смерти боится, в ней сознания мало. А без сознания всякое дело страшно.

Довольно тебе, строго сказал старшина Петров. Сколько там в ней сознания, мы не знаем, ты видишь она кончается, а раньше землю в колхозе на нас пахала... А что нам полагается знать? А ну, кто скажет важное что-нибудь, что нужно солдату знать?

Важное, товарищ старшина? переспросил Владыко. Нам тут коня стало жалко...

Коня пожалели? произнес старшина. Верно жалеешь, солдат. Это наш конь и земля наша, повсюду тут наша родина, желей и береги ее, солдат... А что-то здесь птиц наших не слышать весна уж, а птиц нету?.. Чего-то я птиц не слышу!

Дальше вперед уйдем, тогда позади нас в тишине и птицы объявятся, товарищ старшина, сказал Никита Вяхирев. А то мы огнем дюже шумим.

Иван Владыко знал важное в жизни солдата, самое важное в ней, потому что ему приходилось переживать и чувствовать это важное, но он не мог бы сказать сразу и ясно, что это такое. Он молча поглядел вперед. Лошадь лежала на поле, умолкшей и неподвижной.

Командир роты Юхов теперь уже и в бинокль не мог рассмотреть ни одного слабого движения ее жизни.

В вечерние сумерки Юхов позвал к себе старшину и Ивана Владыку. Он сказал им, что нужно было бы посмотреть ту лошадь поближе она ведь не убита и только замерла от слабости; может быть, она еще жива, и тогда ее следует оттащить на нашу сторону, подстелив под ее тело рогожки и мешки, чтобы не вредить напрасно ее кожу о землю. А на нашей стороне ее можно будет выходить и определить в обоз батальона пусть еще повоюет нам на помощь.

Товарищ старший лейтенант, разрешите, я сперва один подберусь к тому коню, попросился Иван Владыко. Как за вечереет вовсе, я к нему доползу и послушаю, есть ли в нем дыхание. Если дыхание в нем осталось, я тут же ворочусь и ребят на помощь возьму.

Действуйте. Это лучше, согласился Юхов.

Как ночь стемнела, Иван Владыко осмотрел автомат, взял гранату и пошел припадающей перебежкой к лежащей лошади.

Незадолго до нее он лег и пополз, потому что ему послышалось, что лошадь стонет, но он не поверил, что лошадь еще так сильно жива, что может громко стонать, и стал остерегаться.

Во тьме, приблизившись к самому телу коня, Иван Владыко снова явственно расслышал его томящийся стон. Иван вслушался и различил долгое, трудное дыхание лошади и шепот человеческих голосов.

Иван взялся было за гранату, но раздумал ее метать: он побоялся вместе с неприятелем умертвить свою лошадь.

Желая точнее понять обстановку, Владыко осторожно приподнялся и увидел мгновенный свет впереди, ослепивший его. Над его телом, вновь приникшим к земле, пошли очередью длинные пули.